

Оглавление

Деревья, истекающие кровью. Оскар	7
Вера, надежда, любовь. Гвендолин	19
Моё сердце танцует в горящей комнате. Оскар	28
Глаза-океаны. Гвендолин	49
Давным-давно. Оскар	55
Слышу шёпот своей тёмной половины. Гвендолин	61
Укрой меня во тьме. Гвендолин	75
Вот она, вся в чёрном, раскрашивает моё сердце. Оскар	90
Чёрт, я хочу его. Гвендолин	113
Лунный серп. Гвендолин	132
Хочешь быть моим сумеречным охотником? Гвендолин	148
Она — ворон, окутанный красотой и тьмой. Оскар	163
О снежинках, лошадях и тысяче долларов. Гвендолин	173
Сон во сне. Гвендолин	190
Иди сюда, красавчик. Оскар	209
Шрамы от ожогов. Гвендолин	227
Дыхание любви. Гвендолин	240
Она — моя четырнадцатая. Оскар	263
Когда ты смотришь на меня глазами цвета океана. Гвендолин	277
Мне всё равно — хорошая девушка есть хорошая девушка. Гвендолин	290
Говори мне непристойности. Оскар	307
Слишком стесняюсь сказать, но я надеюсь, что ты останешься. Гвендолин	313

Оглавление

Люби меня жёстче. Оскар	328
Кричу, кричу, кричу, но меня никто не слышит. Гвендолин	344
В её улыбке кроется тьма. Оскар	356
Прежде чем я ушла, ты тронул меня до глубины души. Гвендолин	361
Когда тебе звонит прошлое... Оскар	367
...Позволь прошлому умереть. Оскар	371
Тихая ночь, священная ночь. Гвендолин	382
В тихие дни я больше всего скучаю по себе. Гвендолин . . .	394
Скажи, что это пришли петь рождественские гимны. Гвендолин	402
Благодарности	412

Посвящается Катрин
Спасибо за твою магию,
потому что моя аспенская команда
была бы невозможна без тебя
Тысячу спасибо и ещё в тысячу раз больше,
потому что я не знаю, что было бы без тебя.

**ТРИГГЕРНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
(ВНИМАНИЕ, СПОЙЛЕРЫ!)**

Эта книга затрагивает потенциально стрессогенные темы:
бездомность, маниакальное расстройство, нарциссизм,
употребление алкоголя и наркотиков.

В тот миг, когда мы впервые встретились,
Повсюду искрилась магия.
Ты смотрел на меня и думал вслух.
Глаза цвета океана, блеск которых рождает речь без звука,
Шептали: «Ты совсем другая.
Совершенно не такая, какой тебя хочет видеть этот мир.
И это самое прекрасное в тебе».
У меня не было сил объяснять, кто я такой,
Поэтому я взял тебя за руку
и показал тебе жизнь, какой я её видел.
И я подумала: «Кажется, я тону,
оказываюсь в невесомости,
поэтому мне нужна твоя рука, которая меня поведёт.
Вместе мы вновь сделаем мир ярче.
Я понятия не имею, что ты чувствуешь,
и чувствуешь ли что-то вообще.
Знаю только, что для меня
сейчас ты — это всё.

Айла Даде

Деревья, истекающие кровью

Оскар

Богатые цыпочки — это богатые цыпочки. Ясное дело, в них нет ничего особенного, но только не для меня. То есть я смотрю на них и вижу только одно — богатых цыпочек.

Думаете, среди них есть эрудированные? Не-а. Интересные? Блин, нет. Глубокие, с тем редким блеском в глазах, видя который понимаешь, что внутри ранимая душа и пылкое сердце? Мимо.

Брайони Адамс в свои лучшие дни, пока я ещё не окончательно отравил их, посмотрела бы на меня с упрёком, покачала бы головой и сказала: «Это бред, Оскар. Полный бред и глупые предрассудки. В твоей жизни случилось немало дерьма, поэтому теперь ты замечаешь только плохое. Видишь только то, что хочешь видеть. Не представляю, как такая глупость сорвалась с твоих губ. Это совершенно невозможно, ведь твои губы слишком божественны для такой ахинеи, морда моя». Кстати, выражение «морда моя», без преувеличения, звучало в каждом её предложении. Казалось, Брайони не могла обойтись без него. Она произносила его в универе, когда маркер переставал писать, потому что Брайони всегда выделяла текст полностью. Произносила во время секса. Произносила, когда я дрался. В общем, каждый день. Брайони насыпала дешёвые кукурузные хлопья в эту свою отвратную глиняную миску с блошиного рынка и говорила «морда моя» просто так, понятия не имею,

почему. Впрочем, Брайони была права. Я вижу этих людей такими, какими хочу видеть. У меня предрассудки.

Забавно, что я сам теперь один из них. Не из цыпочек, конечно, но из деток, богатеньких деток. Точнее, из богатеев, если учесть, что я давно взрослый. И неважно, что порой ночами, весь в поту после кошмаров, я всё ещё чувствую себя несчастным обгадившимся ребёнком.

— Миссис Аддингтон?

Джорджия, чей взгляд скользил по залу в поисках устроительницы благотворительного вечера, резко оборачивается, и я улавливаю её дорогой парфюм, перекрывающий запах моего. Путь нам преграждает молодая женщина. Джорджия поднимает на нее свои большие карие глаза и вдруг широко улыбается, очевидно, узнав ангелоподобное лицо, обрамлённое золотыми локонами.

— Фиби! — Джорджия кладёт ладони на её изящные плечи, и они обмениваются очень аккуратными поцелуями в обе щёки. Ещё бы, они ведь богатые цыпочки! — Сколько мы не виделись? Боже мой, как ты? Как провела время с родными? Боже, да ты совсем взрослая!

Прежде чем Фиби, которая, судя по всему, примерно моего возраста, успевает ответить, Джорджия поворачивается в мою сторону и, подобно кивающей игрушке, наклоняет голову. Выглядит она взволнованно, как будто хочет сказать: «Послушай, Оскар, послушай, вот информация, на которую тебе обязательно стоит обратить внимание, потому что тебе нужно приспособиться. Ты должен помнить, мы это обсуждали».

— Фиби провела несколько лет при нидерландском королевском дворе. Она дальняя родственница королевы, это ли не впечатляет?

— Сногсшибательно впечатляет. — Одариваю Фиби улыбкой, которая без сомнений западёт ей в самое сердечко, а сам мысленно проклинаю Джорджию за то, что притащила меня сюда, потому что «эти люди должны с тобой познакомиться».

Мы разобьемся как лёд

Фиби таращится на меня широко раскрытыми глазами, а потом — ого! — совсем незаметно оттягивает ниже декольте платья. Не то чтобы меня это смутило. Люблю, когда женщины выставляют свои достоинства в выгодном свете. Они имеют на это право.

— Фиби, да? Я могу звать тебя принцессой, если хочешь.

— Оскар! — шипит Джорджия.

Но Фиби только отмахивается, и даже этот жест элегантнее, чем моя осанка в жёстком смокинге от Ива Сен-Лорана. Она улыбается, но она меня не знает. Не знает, что я мастер по части чтения людей. Гладкая кожа над её скулами покрывается румянцем. Она нервно гладит шифон своего коктейльного платья. Рассматривая меня, Фиби сглатывает, и в её глазах мелькает то, что я чаще всего замечаю, когда разговариваю с женщинами, — желание.

Фиби понятия не имеет, что одна дурная история разбилась моё сердце, после чего его пришлось собирать буквально по кусочкам. Как хорошо, что ты ничего не знаешь об этом, принцесса. Эта история запачкала бы тебя, а всем известно, что принцессы должны избегать грязи.

Впрочем, Фиби хочет меня, ей-богу, чертовски хочет.

— Он просто валяет дурака, миссис Аддингтон. — Не отрывая от меня взгляда, Фиби перекидывает прядь белокурых волос через плечо и делает движение, которое мне не удастся считать. Этакое сочетание наклонённой головы, улыбки и намёка на лёгкий кивок. Возможно, это просто фишка богатых цыпочек, понятия не имею. — Мне кажется, мы ещё не имели удовольствия?

— К сожалению, нет. Иначе я бы запомнил.

— Оскар! — возмущается Джорджия, изо всех сил удерживая свою челюсть от падения.

Фиби же, наоборот, тихонько смеётся.

— Не понимаю, о чём ты.

— Разве принцессы врут? — И пусть мой вопрос звучит холодно и отстранённо, я бы даже сказал, сухо, но Фиби всё равно хихикает.

Айла Дэгс

— Боже милостивый! — бормочет Джорджия и на мгновение прикрывает глаза, прежде чем перевести извиняющийся взгляд на нашу little princess. — Прошу прощения, Фиби. Ему довольно сложно освоиться. Оскар... мы усыновили его.

Говори как есть, Джорджия. Назови вещи своими именами. Произнеси то, что хотела произнести: Оскар был бродяжкой.

— О, так ты *тот самый* Оскар! Фигурист, который стал звездой тик-тока. — Она едва не задыхается. — Родители рассказывали, что ты живёшь теперь у Аддингтонов и получаешь кучу рекламных предложений благодаря своей популярности. Меня это очень радует! Прежде всего... учитывая твоё происхождение. — Фиби смотрит с таким выражением лица, которое легко описать одним единственным определением: богатая цыпочка.

Она улыбается во весь рот, словно желая продемонстрировать, как всё это чудесно: усыновление, я и все эти розовые пузырьки вокруг нас, которых вообще-то нет, но они будто бы возникают благодаря её восторженному взгляду. Только вот мысли за этой улыбкой кроются совсем другие. Не сомневаюсь, что кто-то другой и повёлся бы на её притворную улыбку, но, простите, у меня за плечами одиннадцать дерьмовых лет в Бронксе. Я знаю, как устроены люди. Я в курсе, что они думают, когда смеются тебе в лицо. Я умею читать окружающих, словно они — открытый букварь с большими буквами.

Фиби улыбается, но глаза говорят нечто иное. Она внимательно меня изучает, больше не восхищённо, а скорее оценивающе задерживая взгляд на шраме на моём лице. Очень быстро, едва заметно осматривает мой костюм. Явно считает, что я его не заслужил. Считает, что я не принадлежу к их кругу. В глазах восхищение, но в сердце предубеждение. Очевидно, я вызываю у неё желание. Об этом свидетельствуют и румянец в области декольте, и закушенная нижняя губа, и ставший призывным взгляд. Да, Фиби хочет меня. Но не потому что видит во мне партнёра, а по-

Мы разобьемся как лед

тому что я тот запретный плод, который ей не разрешается вкусить. Её мысли такие громкие, что я их слышу.

«На его лице шрам. На обнажившейся из-под рукава смокинга коже — чёрная татуировка. И, чёрт, у него мускулы, как будто он каждый день проводил в уличных драках! Интересно, по какой причине его усыновили? Может, от него отказались родители? Наверняка, с ним было сложно, потому что он всё время создавал проблемы. Проблемы... плохой парень».

Последнее слово — это оглушительный сигнал тревоги, знак «стоп», на который указывает каждая мать. И в то же время это большое ведёрко жирного попкорна во время диеты.

— Да, тот самый, — киваю. — Но не питай надежд. Я, может, и усыновлённый, но наши миры отличаются друг от друга больше, чем ты можешь себе представить, принцесса.

Прозвучало жестковато, но честно. Я бы не стал пользоваться девушкой. И прежде всего её чувствами.

Я знаком с Джорджией всего несколько месяцев. В прошлом году Аддингтоны стали свидетелями того, как на катке озера в Центральном парке катался я, знаменитый Оскар, чьи рилсы завирусились в сети. Довольно быстро вчерашний бродяга стал уважаемым инфлюэнсером, у которого нет отбоя от рекламных предложений. Бабло, фото-модели... только вот семьи нет. Она в комплект не входит.

Когда Джорджия призналась, что мечтает о сыне, я подумал, что она пудрит мне мозги. Обычно если женщина хочет ребёнка, она усыновляет младенца. Ну или дошкольника. Но никак не взрослого мужчину, которому давно никто не нужен.

Впрочем, Джорджия была настроена серьёзно. По её словам, она не нуждалась в маленьком засранце, который мотал бы нервы. Она бы с удовольствием проскочила данный этап и заботилась о взрослом «ребёнке». Как я и упоминал, их предложение оказалось внезапным. Как и моё решение перебраться к ним в Аспен. Всё же я едва знал этих людей.

За последнее время я успел выяснить о Джорджии один любопытный факт: у неё в мозгу начинает шевелиться маленькая антенна, как только воцаряется неприемлемая с её точки зрения атмосфера. А сейчас пространство между мной и Фиби прямо-таки пульсировало от постоянных волн её мыслей в духе «давай поскорее займёмся сексом» и моих беззвучных предостережений вроде «держись от меня подальше, богатая цыпочка». Интересная смесь, немного острая, не слишком приятная, но антенна Джорджии сходит с ума, настолько всё это неприемлемо.

— Фиби, пойдём-ка со мной, выпьем по мартини. Мне нужно узнать всё о твоём визите в Нидерланды! Правда, что они носят там деревянные башмаки? — Моя приёмная мать кладёт правую руку на плечи Фиби, чтобы увести её в сторону.

Фиби буквально разрывается между желанием не обидеть Джорджию и стремлением возобновить беседу с плохим парнем. Но рука Джорджии на плече, похоже, побеждает, поскольку Фиби с выражением сожаления на лице отворачивается.

— Окажи-ка мне любезность, Оскар, и найди Тимоти. Хорошо? — просит Джорджия. — Нужно помешать ему опять весь вечер накачиваться виски.

— Ясно.

— Спасибо. — Она коротко улыбается перед тем, как они с Фиби исчезают. Думаю, улыбнулась она искренне.

И вот я стою в одиночестве в этом огромном зале, забитом людьми, которых я не знаю, да и не хочу знать, и не представляю, что делать. Всё происходящее кажется насквозь фальшивым. Я сам себе кажусь фальшивым, как кусок веганского куриного филе¹ среди настоящего мяса на гриле. Вот стою здесь в этом долбаном костю-

¹ Курица по-вегански — популярное веганское блюдо, представляющее собой имитацию мясного продукта, по вкусу напоминающего птицу. Готовится из сейтана — особой смеси пшеничной муки и воды.

Мы разобьемся как лед

ме, который стоит больше, чем у меня когда-либо было, и галстук, который в моей прошлой жизни использовался лишь для того, чтобы перетянуть руку, перед тем как уколется каким-нибудь дерьмом.

Без понятия, как мне себя вести. Без понятия, кем нужно стать, чтоб быть как все. Без понятия, что нужно говорить, чтобы звучать как они.

Одни сплошные «без понятия».

Зал наполняется Девятой симфонией Бетховена. Возможно, многие подумали бы, будто я ничего не смыслю в классической музыке, потому что вот он я, Оскар с помойки, слушающий только жёсткий рэп, который исполняют бандюганы в широких штанах и банданах, с использованием таких выражений, которые в приличном обществе не употребляют. Но это не так. Мне нравится классическая музыка. Она меня успокаивает. Когда распирает изнутри, мысли бушуют, кровь закипает, я становлюсь агрессивным без всякого повода, лишь только потому, что видел только дерьмовую сторону жизни, вот тогда Бетховен, Моцарт и Шопен — в особенности Шопен — мои лучшие друзья.

— Есть два варианта, — слышу я вдруг рядом с собой.

Покосившись в сторону, вижу высокую девушку с огненно-рыжими волосами и светлым, украшенным веснушками, личиком. Голубые глаза могли бы производить приятное впечатление, если бы только не выражение озлобленности и глубокого отвращения в них. Отвращение по отношению к чему? К людям? Их жизни? Или всему сразу?

Она делает глоток из своего бокала, скользя взглядом по помещению мраморного зала.

— Ты либо вылезаете из этого дерьма и бунтуете, я имею в виду, по-настоящему бунтуете, потому что так просто от него не отделаешься, либо приспосабливаетесь. Что бы ни выбрал, ты должен отдавать себе отчёт, что это насовсем.

Я поднимаю брови.